

Моск. правды - 1997. - июль. - с. 13

Шикарный мужчина в белом жилете

Дамский угодник

Виктор Пеленягрэ - основоположник новейшего поэтического течения, известного более как куртуазный маньеризм. Дебютировал в 1979 году, он выпустил с тех пор больше десятка книг. Теперь без его имени не обходится ни одна солидная поэтическая антология. В своем автобиографическом романе «Шикарный мужчина в белом жилете» он пишет: «Теперь я понимаю, почему Бодлер, став слабоумным, твердил только одно слово - «женщина».

На его счету последний поэтический бестселлер империи - в 1991 году скандальная мистификация «Эротические танки» разошлась баснословным для нашего времени тиражом в 300000 экземпляров. Целый ряд первостатейных хитов «Бригады С», Сергея Крылова, Лаймы Вайкуле принадлежат перу Виктора Пеленягрэ Лауреат многочисленных песенных конкурсов - от первого шоу «50 на 50» до легендарной «Песни года». Ко всем этим вышеперечисленным достоинствам нужно добавить его недолгое, но судьбоносное сотрудничество с нашим бессмертным изданием. Сегодня мы публикуем отрывки из интервью, которое поэт любезно согласился дать специально для юбилейного номера «Ночного рандеву».

Каждым стихотворением вы хотите сказать, что все на свете делается ради женщин. Я вас правильно понял?

- Безусловно. В этом нетрудно убедиться, если окинуть мысленным взглядом всю мировую литературу. Начиная с Гомера, который, как известно, один из первых описал рыцарское ристалище из-за легкомысленной Елены, вплоть до куртуазных маньеристов мало-мальски стоящие писатели были галантными рыцарями и исповедовали культ прекрасной дамы.

На наших глазах Орден становится легендой. Нельзя ли поподробнее о женском участии в Ордене?

- В этом смысле мы превзошли все похождения героев Петрония. Долгое время у нас, помимо Ордена куртуазных маньеристов, существовал Институт послушниц. Послушницы всячески угождали нам и всеми средствами поощряли на штурм Олимпа. Никто, пожалуй, так не молился на стихи кавалеров Ордена, бесконечно скандируя и цитируя их. Этим институтом правили Александра Введенская, Ольга Егорова и Анастасия Лятурина. Вообще-то послушниц было великое множество, но эти дамы представляли собой вершину весьма сложной иерархии, так сказать, священный триумvirат. Так вот, мать-аббатиса Ольга Егорова, например, ведала набором и продвижением новых послушниц. Большинство претенденток не выдерживали испытаний, поскольку мало кто был способен выполнить Устав Послушания до конца. Нужно было танцевать голышом на столе, изящно падать в салат, не противиться «римским качелям», которые устраивали маньеристы, словом, исполнять любые прихоти кавалеров Ордена. А поему послушницы вели совершенно разнуданный образ жизни и даже издавали великосветскую газету «Куртуазная рулетка», как прообраз теперешних светских хроник, только гораздо круче и забористей. В один прекрасный день издатель не вынес этих ужасных откровений и повредился умом.

Александра Введенская была хозяйкой куртуазного салона, который располагался в квартире ее бабушки-балерины, ученицы Нижинского и подружки Юткевича. Между прочим, была весьма ехидной старухой в здравом уме и твердой памяти, всем своим существованием напоминая, что лучшие люди умерли с Маяковским. В этом я был полностью с ней солидарен. По ночам салон спонтанно превращался в бордель для нижних чинов. Здесь предавались таким увеселениям, о которых был наслышан даже всесильный ОМОН. Кстати, после предательской наводки возмущенных соседей, омовцы радостно ворвались к нам и оказались большими ценителями поэзии. Квартира была ужасно богемная. Здесь перебивали все мало-мальски приличные господа и почти вся литературная сволочь. Но однажды старуха умерла, квартиру самым бесцеремонным образом экспроприировали, и мы страшно скорбим об этих утраках.

А в 92-м году Орден приобрел в лице Анастасии Лятуриной кавалерственную даму, статс-биографа Ордена, которая написала книгу под названием «Жизнеописание негодяев», где предала гласности массу жутких тайн, связанных с тогдашней жизнью. В одном из последних галантных альбомов Ордена «Триумф непостоянства» (М., «Букмэн», 1997) она частично опубликована. К вящей славе «Ночного рандеву», впервые отрывки из нее печатались на страницах именно этого издания. Я думаю, что этот памятник изящ-

ной словесности затмит со временем воспоминания Ирины Одоевцевой или какие-нибудь записки мадам де Севиньи.

А случалось, что послушницы устраивали себе праздник непослушания, начинали бунтовать?

- Они только этим и занимались. Однажды на сталинской даче они учинили такой разгром, что пришлось на время разогнать эту вольницу... Нас опрометчиво пригласил к себе на ужин один высокопоставленный чиновник, большой ценитель изящной словесности. В полночь на его глазах начали происходить самые невероятные вещи. Одна из послушниц прыгала со второго этажа в сугроб, другая в абсолютном неглиже устроила игру в классики среди бутылок, третья привела охрану в боевую готовность и заставила присягать на верность народу. Короче, за столом царил самое непринужденное веселье. Однако все обошлось. У хозяйина, надо отдать ему должное, не дрогнули ни один мускул на лице. Как архикардинал, я вынужден был пресекать всяческие волеизъявления послушниц, улаживать склоки, скандалы, сердечные дела и не допускать последних степеней падения. Долгое время это мне удавалось. Но однажды даже я оказался бескильным, и на капитуле Ордена был поставлен вопрос о расформировании легиона строптивых. Так что теперь они свободны, но по-прежнему ходят на наши поэзо-вечера и безумно тоскуют по тому времени, когда были при исполнении.

Последней феерической акцией совместно с послушницами, если я не ошибаюсь, было возложение венков Леониду Ильичу Брежневу. Это ужасно, что за десять лет после его смерти мы были первыми, кто возложил венки на могилу этого тотального гедониста, по сути последнего императора. Как сейчас помню, что в тот день все рвались к Ленину, а потому Красная площадь была оцеплена. Мы же пришли с венками, на которых было золотом выведено: «Дорогому Леониду Ильичу от куртуазных маньеристов», «Спасибо за наше счастливое детство». Увидев нас, милиция расстрогалась, вытянулась по струнке. С почетным эскортом нас проводили к могиле, где мгновенно появились подставки для венков. Клянусь, у многих на глазах были слезы.

Откуда же вы берете вдохновение и страсть к новым подвигам?

- У тех же прекрасных дам. И так было всегда. «Божественная комедия» написана Дантом во славу Беатриче. Не будь Лауры, мы бы никогда не узнали сонетов Петрарки. И если Флорет - это Эмма Бовари, то Лев Толстой - это, конечно же, Анна Каренина. Как минимум, Лев Николаевич на закате жизни - Катюша Маслова. И кто был бы Дон Кихот без Дульсинеи Тобосской? Обо всем этом можно узнать из наших манифестов.

Вот вы - утонченный лирик, и вдруг - таккая махровая попса. Вам не кажется, что эти песенками вы профанируете высокое искусство?

- Я прекрасно знаю, откуда дует ветер. В этом уже обвиняли два печатных листа - «Литературная газета» и «Новая газета». Но, доложу я вам, русского литератора можно назвать кем угодно, но только не поэтом. К этому склонялся и Пушкин, когда заклинал нас не чуждаться «забавы площадной и вольности лубочной сцены».

У меня инстинктивный бился над стихами для песни два месяца. Исход этой битвы мне неизвестен. А как вырезают песни в недрах вашего могучего мозга?

- Перефразируя Бальзака,

можно сказать, что песни созревают в душах так же таинственно, как трюфеля на благоухающих равнинах Перигора. Шутка. Первую песню я написал на спор, за десять минут. Получилось очень даже неплохое ностальгическое танго, которое исполняла великопепная некогда «Бригада С». Это как затмение: написал и написал. Прошло десять лет, а ее время от времени крутят на различных радиостанциях. Приятно с девушкой послушать. И вообще приятно!

Вот ты говоришь: написал и написал. А что же было дальше?

- Это занятие меня тогда не вдохновило: ни денег тебе, ни славы. А поему я предпочитал публиковать поэтические книжки. А между тем Саша Добронравов написал кучу на мои стихи самых разных песенок, которые впоследствии составили творческую биографию, например, такому певцу, как Сергей Крылов. Только с Добронравовым мы написали добрую дюжину хитов, таких, как «Бискайский залив», «На Гавайских островах», «В притоне Катманду»...

«Порт-Саид», «Девочка»...

- И прочая, и прочая. «Бискайский залив» неожиданно и вполне заслуженно занял первое место на первом фестивале передач «50 на 50». Отсюда пошел бум вокруг Крылова и его взлет к вершинам славы.

Ваш творческий альянс с Лаймой Вайкуле придал не только ее биографии какой-то новый творческий виток, но и наделал много шума вокруг вашей фамилии. Буквально в каждом интервью она упоминает вас, как своего любимого поэта. Как вы относитесь к этой встрече, и насколько она судьбоносна для вас?

- Хочется думать, что она судьбоносна для нас обоих. Наша встреча состоялась при весьма странных обстоятельствах. Она пела одну из песенок, которую я написал для Сергея Крылова, вернее, они пели ее дуэтом с Крыловым в каком-то телешоу. Тогда было такое поветрие - дуэтами петь. Там мы познакомились, и она выразила желание, чтобы я для нее что-нибудь написал. Я взял телефон и тут же благополучно его потерял. Австретились мы только через два года.

Вы нашли телефон?

- Нет. Команда Лаймы оказалась настойчивее, чем я думал. Меня разыскали, отвлекли от поэтических занятий и вернули в шоу-бизнес. Таким образом я с удовольствием написал еще несколько песен.

Скажите, какая из песен, написанных для Лаймы, вам самому больше всего нравится?

- На самом деле произошло такое странное, на мой взгляд, разделение пристрастий. Публике, как мне кажется, больше по душе песня «Не спеши, дорогой» (хочется думать, что я ошибаюсь). Лайме нравится «Я вышла на Пикадилли», а я очень люблю композицию «Уехал в Америку Педро».

Я знаю, что Раймонд Паулс предпочитает, чтобы на его музыку писали стихи, а вы предпочитаете противоположное. Каким образом вам удалось найти компромисс? И вообще, как вы считаете, что первично текст или мелодия?

- В начале было Слово, и Слово было Бог. Я уверен, что лучшими являются вещи, которые пишутся на слова. Это же утверждал средневековый японский лирик Сарумару. Досадные исключения лишь подтверждают правило.

В нашем разговоре возникли три имени - это Сергей Крылов, «Бригада С» и Лайма Вайкуле. Скажите, ваше песенное творчество ограничивается только этими именами или вы работали с кем-то еще?

- Я писал для самых разных лиц и коллективов. Сердце русского поэта всемирно отзывчи-

во, как вы понимаете. И когда мне обращаются даже малоизвестные исполнители, я почти никогда не отказываю. Я с удовольствием поддерживаю любую идею, если она мне нравится. Я человек увлекающийся, и мне нравится открывать имена. Я написал несколько альбомов для рок-группы «Скандал»; Андрей Разин, крестный отец «Ласкового мая», начинал свою бешеную карьеру именно с моих песен. И все они - от легендарных «Веселых ребят» до сестер Роуз - наверняка были счастливы, напевая мои стишки.

А не возникало у вас желания собрать все ваше песенное наследие и выпустить диск, своеобразную визитную карточку?

- Знатоки концерта «Видеосервис» уже выпустили кассету «Колониальное танго», на которой собрана малая толика моих песен от «Порт-Саида» до «Пикадилли». За что им бесконечное спасибо!

А вам никогда не приходило в голову мысль самому стать певцом?

- Я для себя давно решил, что пока не стану лысым, как Розенбаум, и седым, как Амирамов, буду держаться в тени кулис.

Скажите, Виктор, кто вам всего симпатичнее на музыкальном Олимпе?

- В каждом исполнителе можно найти бездну достоинств. Нужно только присмотреться и прислушаться. Я одинаково плачу, когда поет Алла Пугачева и Таня Буланова. На самом деле, сейчас я открыт к любому сотрудничеству.

В ваших текстах много колониальной романтики. Скажите, вы долго жили за границей, много путешествовали?

- Нет, нет! Я был несколько раз на том свете, но совершенно равнодушен ко всей этойграничной фанатерии, я вполне довольствуюсь видами нашей страны. А пишу я такие стихи, потому что хотелось думать, что там очень интересно и красиво. Как у того же Пушкина «Там далеко на севере в Париже, быть может, дождь идет». На самом деле я пишу только про нас, просто вместо неблагозвучного Липецка я ставлю романтический Порт-Саид. И вот мечты сбываются: каждый может отвезти «Асти спуманте», одеться у Кардена, и лиловый негр обязательно подаст вашей даме манто.

А для кого из политиков вы хотели бы написать песню?

- Для Лужкова, например. Что-то вроде «гром победы раздавайся, веселись, российский флот». С его голосом, между прочим, и с моими стихами мы весь мир перевернем.

А с кем из композиторов вы хотели бы сотрудничать? Есть у вас какие-нибудь пристрастия в этом смысле?

- На самом деле я открыт к любому сотрудничеству. Сейчас время молодых и талантливых... Очень надеюсь, что скоро услышат таких композиторов, как, например, Тимур Дзейтов, Алла Пачевская...

Ваше творчество ограничивается только колониальной романтикой или вы пишете песни и о Москве, о родине, о любви?

- И о родине, и о любви, и о Москве. Вам хочется песен? Их есть у меня - на все вкусы и для всех поколений.

А теперь скажите, пожалуйста, несколько слов о газете «Ночное рандеву»...

- Это был один из самых упоительных периодов моей бессмысленно прожитой жизни. Мы освещали все на свете, и Александр Вульх - лучший, на мой взгляд, редактор, какого я когда-либо видел. Он позволял нам писать все, что заблагорассудится, или почти все. Перечитайте подшивку «Ночного рандеву» - оттуда вышли практически все новейшие издания. Дай вам Бог долгой жизни и бесконечной молодости.

Вадим СЕМЕНОВ.